

Вера Павловна Авдеева невзлюбила Сергея Звягинцева еще с тех пор, как он стал подрастать, — на дух не переносила во всех отношениях, как говорят в таких случаях, ненавидела всем существом. И все из-за того, что сама в молодости собачонкой бегала за старшим Звягинцевым, но любовь та оказалась однобокой. А Сергей, как нарочно, возрос точной копией отца.

И думать не думала она, что этот слегка рыжий паренек станет ее зятем. Пока однажды ее последушек, Люба, а детей у Авдеевых четверо, не обрадовала мать.

Был летний вечер. Отец и мать сидели дома.

— Мам, — неуверенно начала Люба, заранее догадываясь, что мать будет против, — я выхожу замуж. В субботу придут сваты.

И первый вопрос у Веры Павловны к дочери был таков:

— Кто?

— Звягинцев.

— Сергей, что ли?

— Да...

Вера Павловна от такого известия даже присела.

— Отец, это что же такое преподнесла дочка?! — обратилась она к главе семейства.

Отец Любы, Петр Петрович, не был враждебен к Сергею.

— А что такое, чем он тебе не нравится, парень как парень.

— Нет, — ответила Вера Павловна. — Только не Звягинцевы, не их непутевый. Других что ли нет?

Петр Петрович улыбнулся и стал на сторону дочери:

— Для нее — хорошо.

Вера Павловна не отступила от своего, говорила, что рыжий — это еще ладно. Но непутевый, вечно зубы скалит, ходит, как дуралей, да к тому же еще и лентяй, каких поискать. По селу весь день слоняется, собак гоняет, а вечером в клуб идет дурочек ловить. И поймал.

— Мам, — обиделась Люба, — хватит. Вот все, что ты сказала, это не о нем.

— А о ком? О том, за кого ты замуж собиралась Да, вылитый весь папаня, яблоко от яблони недалеко падает. Не хочу их в доме своем видеть, даже на пороге...

Уговаривали ее всей семьей.

Была свадьба.

* * *

Прошло с десятков лет. Вера Павловна и Петр Петрович уже на пенсии. У Сергея с Любой родилось два сына. Старший — парень рослый и чем-то вроде бы сходство с Авдеевыми имел. Его-то любит Вера Павловна больше, чем второго внука Алексея, который копия отца. «Рыжий и выходки папашины», — рассуждала она, но ни того ни другого не обижала и принимала одинаково. А неприязнь к зятю осталась, все эти годы отношения были напряженные, холодные.

Петр Петрович, видя все это, не раз осаживал жену, не давал ей разойтись до кипения, сам же поддерживал с Сергеем добрые отношения. Люба и Сергей жили дружно, были друг друга.

Появление тещи в доме дочери и зятя были часто таковыми, чтобы наговорить на Сергея и поссорить их.

— Люба, — сказал однажды недовольный муж, — когда это все прекратится, за что так не любит меня Вера Павловна, моя теща, ведь я ей никогда в жизни не делал плохого? Вечно она меня унижить хочет, недовольна мной.

Люба не знала, что ответить.

— Что молчишь? — спросил Сергей. — Я понимаю, что она тебе мать. Но сколько мне ее терпеть? Иногда мне ее просто убить хочется!

Люба вздохнула и ответила:

— Я-то, Сергей, что могу? Человек она такой тяжелый. Давай потерпим!

— Сколько?

— Не знаю!

Муж не стал больше огорчать жену.

— Да, — ответил он, соглашаясь, — если б не Петр Петрович и не братья твои Алексей и Николай, вряд ли мы были бы вместе. Так?

— Нет, — возразила Люба. — Я бы все равно за тобой на край света пошла.

Сергей вспомнил под вечер: как-то пришел он с работы пораньше и заметил в окно, как к ним чуть ли не бегом торопится теща. Заявилась, зная, что Сергей дома, (а он спрятался в другой комнате, чтоб не видеть ее) прямо с порога начала дочери нотации читать:

— Где твой бездельник? Видела, домой прошел. Хлыст бездомный. Молчишь, ни слова ему? Опять ушел, куда? На рыбалку, бездельник, — ни горя, ни забот. Дом-то вон хоть бы подделал. Непутевый. Говорила тебе, а ты не послушалась. Хлебай теперь от него.

Сергей это слышал, понимал, как нервничает Люба. Будто горит между двух огней.

Люба не выдержала на этот раз пустых упреков матери.

— Что ты хочешь, мама?

А та будто не слышит ее:

— Лентяй! Дом скоро без мужской доглядки завалится.

— Хватит, — закричала Люба. — Живем мы и живем, к тебе пить-есть не ходим. Мама, я больше этого слышать не хочу. Не ходи больше в этот дом!

Обиделась Вера Павловна. Ушла. А Сергей подумал: «Змея подколодная, чего добивается? Развести нас хочет, как только ее земля носит. Ни дочь, ни внучат не жалко. У людей вон тещи как тещи, приедут, погостят с внуками понячатся — и будьте здоровы! А мне с тещей не повезло. Рядом живет, все соки выжала».

А однажды, давненько уж это было, после рождения первенца Саши, в горячую страду зашел в сумерках с бутылкой Петр Петрович. Спросил у дочери, которая только что уложила сынишку:

— Я прямо с работы. Внучек растет, а зайти некогда. С утра и до вечера в поле. Забежал поглядеть, а он уже спит. Да, заработался дед. Сергей-то где?

— На огород ушел. А потом должен баньку затопить. Чумазный пришел, как ты, папа.

— А мать была у вас?

— Была.

— Опять на мозги давила? Не знаю, что с ней делать. Туды ее в душу! Стервой уродилась. Что он ей соли, что ли на больное место насыпал?

Люба не хотела расстраивать отца, молчала. Пришел Сергей, позвал мыться тестя в баню. В бане Петр Петрович предложил:

— Давай зятек, выпьем, чтоб языки развязать.

Они сидели на мокром стеллаже. Петр Петрович налил в стаканы по сто граммов водки. Хлопнул зятя по голому плечу:

— А ты говори мне все, не робей, что теща твоя выкинет! Я ее враз на место поставлю! Вот чертова баба, взяла в голову дурь... Видно, крепко эта дурь у нее в голове сидит. Но, главное, у вас с Любой все хорошо, вон какого пацана родила. Ладите?

— Ладим!

Петр Петрович выпил, предложил Сергею:

— Пей, не бери в голову, а эту стерву я успокою. Пусть место знает. Наливай, зять, еще...

С тех пор утекло немало лет, а разговор тот помнил Сергей.

Уже два года нет Петра Петровича, ушел с этого света.

А Люба после смерти отца перестала терпеть нападки матери, сказала ей очень грубо:

— Я терпела все твои кляузы, нападки, а теперь, после смерти папы,

не желаю. Не нравятся тебе Сергей, но он мой муж, и не мути воду в чистом роднике.

Эти слова были до того обидны для Веры Павловны, словно ошпарили они ее. Она тут же собралась уходить, а перед уходом сказала:

— И такое матери родной наговорить, как только язык повернулся. Я с тобой сколько ночей бессонных провела, — с досады плюнула на пол. — Ноги моей тут больше не будет. При отце б такое не сказала.

Люба резко возразила:

— Бессовестная, папа был не такой. Что ты хочешь — чтоб я развелась, детй без отца оставила из-за твоей прихоти?

— Эх! Внучат люблю, что Сашу, что Алешу, а вот папашу их терпеть не могу.

— Любишь?! Да не любишь ты никого!

Вера Павловна ушла и больше не появлялась в доме зятя.

А через неделю после той ссоры у Веры Павловны похарчилась коза. Коз она завела еще при покойном Петре Петровиче, когда не стали водить корову, завели козу. Но не сразу, Петр Петрович долго сопротивлялся появлению коз во дворе. А затем сдался, но в шутку перед покупкой сказал обидные слова для жены:

— Вера, смотрю на тебя, ты сама скачешь, словно коза... — А потом взял под ручку и подвел к зеркалу: — Смотри: коза и есть, с длинной вытянутой бородой. А глаза — чем-то вроде как козы напоминают. Только одна загвоздка — рог нет, да и не будет. У таких, как ты, они не растут...

Обиделась она тогда на мужа, целый месяц с ним не разговаривала. Язвой ходила, пока он не заметил:

— У тебя что, Верочка, язык вроде отнялся. Целый месяц слов от тебя не слышу.

— Дурак, — крикнула Вера Павловна, — чтоб у тебя язык отсох. Сколько лет вместе прожили, а под старость лет козу во мне рассмотрел.

...А теперь Вера Павловна собиралась купить новую козочку, стала смотреть объявления в районной газете, нашла, поехала и купила.

* * *

20 сентября Сергею пришла повестка — явиться на судебное заседание в районный суд. Через два дня то есть. Истцом в суде была теща, обвиняющая зятя в убийстве козы. Любе пришлось идти к матери на поклон, а до этого к ней внуки ходили.

— Бабушка, — спросил как-то Алешка, — а почему ты к нам больше не ходишь?

Вера Павловна не знала, что ответить внуку, в растерянности бухнула:

— Сама на поклон, внучек, не пойду. Стара я стала кланяться, а то голова отвалится.

Засмеялся Алеша, спросил:

— А разве голова может отвалиться?

— Пусть мать поклонится, у нее от этого голова не отвалится!

В дом родительский Люба шла с большой неохотой, боялась переступить порог, как чужая.

— Пришла просить за зятя? Пусть в суде решают, как поступить с ним, — сказала мать.

— В суде так в суде, — с обидой в голосе только и сказала дочь.

Утром 22 числа Сергей собрался ехать в район на своих стареньких «Жигулях», предложил и теще поехать с ним.

— Купить хочешь? Нет уж, не поеду с тобой, — с ухмылкой отказалась та.

Поехал один. По селу слух пошел: «Авдеева с зятем судятся».

...Сергей долго сидел в длинном коридоре нарсуда. С болью в сердце, с ненавистью на непутевую тещу. Сидел один, пока не появилась теща. Пришла — ноль внимания на зятя. Молча села в стороне и все время смотрела куда-то в одну точку, ни разу не взглянув на Сергея. А потом вдруг заявила:

— Душегуб! Паразит! Дочь с матерью рассорил, а животное-то при чем?

Сергей промолчал.

— Ты получишь, паразит. Посажу!

Сергей сидел молча, ни слова, словно каменный. Да и что с ней говорить, все одно, что об стенку горох.

По коридору прошла высокая, длинноногая девушка в короткой, черной обтягивающей ноги юбчонке, на высоких каблуках. Она вошла в кабинет, через минуту вышла и подошла к Вере Павловне. Это была судебный секретарь.

— Вы Авдеева? — спросила она. — Истица по делу номер двадцать «Смерть животного»?

— Да, по коточке моей! — пустила слезу горячую Вера Павловна. — Вон он, изверг, убил! — указала на Сергея.

«Вот теща дает, мать ее в душу, поискать — не найти. Денег предлагал, не берет. Козу взамен предлагал, тоже не берет, — думал Сергей. — Только одного хочет — посадить. Сатана в юбке».

От тещи длинноногая подошла к Сергею:

— Звягинцев?

— Да.

— Ждите!

— Ясно.

Когда девушка ушла, Сергей встал, подошел к теще:

— Ловко получается у вас, прирожденная артистка. Ну, добьетесь вы, посадят меня, вам-то от этого что? Я на нары, а детей кто кормить будет? Вы?

— Прокормлю, — буркнула злобно Вера Павловна.

Минут через десять пригласили в судебный зал. В зале четыре человека: судья — женщина в черной мантии, девушка — секретарь суда и они — зять и теща. Сергей сел в одной стороне, теща — в другой.

И тут Веру Павловну впервые осенила мысль: «А вдруг посадят, и надолго, ведь дочь не простит меня до гроба».

В зале тишина — муха пролетит, услышишь.

Судья объявила о начале заседания:

— Заслушивается дело номер двадцать Звягинцева Сергея Алексеевича, 1979 года рождения о причинении смерти домашнему животному, в частности, козе. Истица — гражданка Авдеева Вера Павловна, 1956 года рождения. Ответчик, встаньте, послушаем вас.

Сергей встал.

— Мы вас слушаем!

— Я, Ваша честь, работаю в КФХ шофером, — начал рассказывать Сергей. — 19 августа мы возили зерно сдавать на хлебоприемный пункт.

А обратно брали кирпич с завода. Загрузился я кирпичом, еду, а на перекрестке гражданка Авдеева Вера Павловна стоит, теща моя!

Судья удивилась: теща с зятем судятся — обычно зять идет к теще на блины, а к такой, видно, не сходишь.

— Стоит, а на веревочке козу держит, — говорит Звягинцев. — Как проехать мимо, мама второй половинки моей. Остановился, объяснил, что не могу посадить ее в кузов, кирпич там. И в кабину козу не посажу, не переносу я их на дух. Пришла в голову мысль — за фаркоп рогатую привязать, Вера Павловна, теща, согласилась! Я и привязал! Добежит, подумал я, езды-то от райцентра — всего ничего. Едем, вроде теще хорошее дело сделал, а она со мной не разговаривает. Лицо недовольное, будто рядом с ней не зять, а чужой. Не выдержал я, представил, что там за фаркоп привязана не коза, а теща, и газанул. В зеркало смотрю — бежит. Ну, думаю, мать твою, сдохнешь! А сам на тещу зыркаю. Злоба у меня кипит, а она сидит, словно мыльный пузырь — вот-вот лопнет, недовольная мной всю жизнь. Сорвал я, Ваша честь, свою злобу на козе. Погубил козу, жалел потом, а поделать уже ничего не мог. Предлагал денег взамен или козу. Не берет, посадить желает. Виновен, знаю, сажайте, мне все равно.

Судья, полная, невысокая женщина, после услышанного, сторону зятя приняла:

— Я не понимаю Вас, гражданка: довести зятя до такого. Хорошо, что за Вас не взялся, — улыбнулась она.

Вера Павловна сконфузилась.

— Все верно изложил ответчик? — спросила ее судья.

— Верно. Все так, — согласилась Вера Павловна.

— Хотите зятя посадить?

— Хотела.

— А сейчас?

— Не по сердцу он мне всю жизнь. Дочка умудрилась...

— А вы все время воюете. Воинственная женщина. Пора смириться!

В разговор встрял Сергей:

— Мне жизнь портила, дочке на мозги капала. Совести у Вас нет, тещенька.

Девушка секретарь что-то писала и улыбалась.

— Знаете что? — строго сказала судья. — Мое слово будет таким: за вмешательство в жизнь семьи, в частности Звягинцевых, где имеются дети, то есть ваши внучата, я могу вас привлечь к ответу. Сделайте ваших детей и внуков счастливыми. Оставьте все плохое в прошлом.

Вере Павловне стало нехорошо. Она уж в душе проклинала себя за дурость, которая все это время преследовала ее, а вслух сказала:

— Я раскаиваюсь, готова попросить прощения у Сергея, Любы и у внучат.

— Вот видите, — одобрила судья, — я думаю, что дома еще обсудите. Соберетесь за столиком. А сейчас выслушайте приговор: Звягинцева Сергея Алексеевича 1979 года рождения признать виновным в смерти животного. Возместить ущерб истце Авдеевой Вере Павловне сумму, равную стоимости козы. А кроме того назначить Звягинцеву 1 год (условно). На этом судебное разбирательство считаю законченным. Вам понятно решение суда, гражданин Звягинцев?

— Да.

— А вам, гражданка Авдеева?

— Понятно.

Вера Павловна из зала суда вышла, сгорая от стыда. Подошла к Сергею.

— Сынок, — сказала она, — прости меня, дуру старую.

— Что же, — ответил зять, — лучше поздно, чем никогда.

Вере Павловне было интересно узнать, и она спросила:

— Зятек, а ты б и впрямь бы меня так же, как козу?

— Давайте забудем, — предложил он. — Кто старое помянет, тому глаз вон.

Домой вернулись вместе. «Жигули» подъехали к дому, зять с тещей вышли из машины и спокойно идут к порогу.

Люба увидела эту картину из окна. Не веря глазам, выбежала на крыльцо:

— Ну, как там суд-то?

Сергей смущенно махнул рукой, а Вера Павловна улыбнулась.

